

РЕЦЕНЗИЯ

на диссертацию **доц. д-ра Николая Михайлова Нейчева**,
соискателя ученой степени **доктора наук**
в области высшего образования 2. Гуманитарные науки,
по профессиональному направлению 2.1 Филология
и научной специальности Русская литература
проф. д.ф.н. Клео Стефанова Протохристова,
гость-преподаватель Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского

Автор: **доц. д-р НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВ НЕЙЧЕВ**,
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
Тема диссертации: **„ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ПЯТИКНИЖИИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (Хронос. Кайрос. Вечность)“**

Приказом Ректора Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (№ РД-20-51 от 16.01.2023 г.) я была назначена членом научного жюри для проведения процедуры защиты диссертационного труда на тему „ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ПЯТИКНИЖИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (Хронос. Кайрос. Вечность)“ на соискание научной степени „доктор наук“ Пловдивского университета (ПУ) в области высшего образования 2. Гуманитарные науки, по профессиональному направлению 2.1 Филология (Русская литература). Автор диссертации – доц. д-р Николай Михайлов Нейчев, член Кафедры русской филологии при Филологическом факультете ПУ им. Паисия Хилендарского. Предоставленный комплект материалов на бумажном носителе соответствует ст. 45 (4) Правил развития академического состава ПУ и включает в себя все требуемые документы.

Доц. Николай Нейчев проработал в Пловдивском университете в течение всего своего стажа: с 1994 по 2000 гг. – ассистентом на неполный рабочий день, с 2000 по 2003 гг. – ассистентом и старшим ассистентом, а с 2003 г. по сей день – доцентом.

В 1998 г. он защитил докторскую диссертацию на тему „Влияние догматомистической ортодоксии на позднее творчество Ф. М. Достоевского“; его монография, представленная при соискании звания доцента, содержит системную концептуализацию идей мессианизма русской литературы XIX века.

Обсуждаемый здесь диссертационный труд Николая Нейчева, посвященный проблеме времени в поздней романистике Ф. М. Достоевского, подтверждает заявленное с самого начала, устойчивое и убедительно реализуемое в течение многих лет направление научного мышления своего автора. Сначала в докторской диссертации, посвященной т. наз. Пятикнижию Достоевского („Преступление и наказание“, „Идиот“, „Бесы“, „Подросток“, и „Братья Карамазовы“), а потом в монографии, сосредоточенную на идее о мессианистической роли русской литературы, доц. Нейчев неукоснительно и непоколебимо следует своему личному пути в науке, пути, чья траектория сочетает в себя и объединяет литературную историю и сопоставительное литературоведение, историю философии и религиоведение, историю, социологию, культурные исследования и лингвостатистику.

Очередное начинание ученого поражает своим масштабом. Включая анализ романов Пятикнижия в концептуальную рамку темпоральности, Нейчев подошел к своей задаче максималистски, задав программу, организованную в трех основных этапах. Начальная точка программы включает в себя интегральное изучение исследований, посвященных проблеме времени во всех его возможных аспектах с Античности и до наших дней, критическое прочтение романов Достоевского в связи с этими теоретическими построениями, а также формулировку своего собственного алгоритма интерпретации темпоральности в модусе хроноса (выявить темпоральную модель каждого из рассматриваемых романов, наметить ее лингвостатистический профиль, установить соотношение между «малым», «средним» и «большим» временем в них, «калибровать» частотность темпоральных маркеров через сопоставление с текстами других авторов, современников Достоевского).

Второй основной аспект, рассматриваемый в исследовании, – это время, понимаемое как духовная бытийность и означенное термином «кайрос». В его оптике

центральным объектом рационализации становится церковный календарь как «икона времени», которая служит контекстуальной рамкой календарных конвенций, указанных прямо или имплицитно в каждом отдельном романе, а также инструментом идентификации и демонстрации процесса, в результате которого физическое время в нарративе Достоевского претворяется в «кайрос», чтобы превратиться в фундамент феноменального единого календаря, просвечивающего в художественном мире его романов.

Третий, финализирующий, компонент масштабной исследовательской задачи, занимается реляцией «время – вечность» и направлен на идентификацию парадигматических возможностей воплощения вечности в художественном мире романов, а также соответствующих специфических для писателя механизмов, осуществляющих это гипостазирование. Исследовательское поле, в котором расположен диссертационный труд, несомненно радуется неизменной актуальности. Оригинальные ракурсы, подвергающие соответствующую проблематику испытанию, подтверждают целесообразность исследования.

Среди наиболее весомых достоинств труда можно указать на струящее из него внушение о непрерывном исследовательском процессе. После первого обсуждения на кафедре, когда диссертация получила единогласную поддержку и исключительно высокую оценку, доц. Нейчев приложил впечатляющие усилия ответить на вопрос об отсутствии часов у дьявола в знаменитой сцене романа «Братья Карамазовы». Этот вопрос был задан ему скорее провокативно, но в результате получилось так, что в окончательном тексте появился тщательный, оригинальный и освещающий анализ, объясняющий убедительно проблематическую деталь, в полном соответствии с системой мышления, на которую ориентировано все исследование.

Безупречно структурированный проект выполнен в строгом соответствии с заявленной программой, в результате чего он приводит к оригинальным и значимым умственным достижениям. Тщательно рассмотренные через критическую призму теории о времени подчинены собственной системе мышления диссертанта и таким образом они представлены в новом и часто неожиданном ракурсе. Поражает последовательность, с которой Николай Нейчев осуществляет свои

исследовательские стратегии, выдержанно и системно, с бескомпромиссной взыскательностью к интерпретации любой, даже мельчайшей детали. В не меньшей степени ошеломляет демонстрированное умение разбираться в самых разнообразных дисциплинарных полях, затронутых диссертацией – кроме ожидаемых для гуманитарного проекта истории и теории литературы, философии и теологии, лингвистики и семиотики, в исследовании демонстрирована компетентность в области физики, иконографии, календарных конвенций.

Удивительно также то, с какой последовательностью автор подчиняет все исследование выбранному и строго соблюдаемому подходу. Подход сам автор определяет как структурный, строго иерархический и линейно интенциональный, таким образом бросая своеобразный вызов актуальным литературоведческим взглядам, проявляющим терпимость к несоблюдению дисциплинарности, что компенсируется, не всегда успешно, импровизационными эффектами и демонстративным релятивизмом, как эпистемологическим, так и аксиологическим. Без риска преувеличений можно сказать, что осуществленное доц. Нейчевым исследование свидетельствует о могучих интеллектуальных способностях и о завидной личностной цельности. Его можно определить как научный подвиг.

Разумеется, как и в любом исследовательском начинании, в этой диссертации можно обнаружить некоторые слабости, число которых ничтожно и пренебрежимо по сравнению с внушительными заслугами труда. Относительно более заметным недостатком я считаю чрезмерную обстоятельность изложения, которая местами компрометирует убедительность аргументируемых тезисов. Особо осязаемо это при представлении отдельных концептуализаций времени в философии и науки, где целые массивы текста остаются функционально незащитимыми, например, комментарии к Лейбницу, Спинозе или Кьеркегору, которые очевидно отступают от темы диссертации, а также в частях, посвященных Эйнштейну или Хоккингу, – их присутствие, по-моему, никак не оправдано. Местами есть неровности или случаи недостаточной аргументированности. Недостаточно убедительным мне кажется, например, тезис о том, что обозначение возраста героев у Достоевского нагружено сверхсмыслом. Альтернативное (гипотетически) объяснение страсти писателя к

точному возрасту персонажей можно найти в современной ему русской культуре, в рефлексе намерстывания относительно поздно воспринятых цивилизационных конвенций. Я считаю недостаточно обоснованным сопоставление рассматриваемых романов Достоевского как раз с «Анной Карениной», в особенности что касается частотности возрастных номинаций. Системы персонажей в этих романах заведомо нельзя свести, и это в некоторой мере компрометирует выводы, к которым приходит автор. Гораздо более подходящее сопоставление, например, с «Войной и миром», которое я частично провела в количественном аспекте, демонстрировало значительно более близкие показатели к установленным у Достоевского, что в некоторой мере расшатывает тезис, что здесь имеет место авторское своеобразие.

В отдельных случаях сфокусированность преимущественно на творчестве Достоевского, которая вполне оправдана ввиду темы исследования, привела к недосмотрам в возможном более широком литературном контексте. Например, неоспоримые в принципе объяснения о высокой частотности наречия «вдруг» могли бы получить более сложный характер, если бы наблюдения над этим своеобразием идиолекта автора были сопоставлены с аналогичным своеобразием повествовательной манеры Стендаля, который также очень любил модификатор «вдруг» и у кого сюжетные события, как правило, характеризуются внезапностью. Наблюдения такого рода, разумеется, частично бы перенаправили исследование в другую литературно-историческую перспективу, но зато предоставили бы возможность смягчить передозированную категоричность выводов. Впрочем, нельзя не заметить, что в тексте диссертации слишком часто (по крайней мере, с моей точки зрения) появляются слова типа «несомненно», «безусловно», «разумеется», «совершенно правильно», «абсолютно», «очевидно», «действительно».

В диссертации присутствуют также случаи сверхинтерпретации или недостаточной убедительности толкований, особенно в интертекстуальном соотнесении романов Достоевского с текстами Четых-Миней (я приведу только один произвольный пример – идентифицирование Гани Иволгина как аналога святого мученика Иакова Персянина на основании уподобления пальца и длани, которую Ганя обжег о свечу, чтобы доказать свою любовь, с мученичеством Иакова,

которому последовательно отрубили пальцы рук и ног, а в конце – и голову). В некоторых местах можно полемизировать. С моей точки зрения, конфликтной зоной представляется, например, выдвигаемый в диссертации тезис, что Григорианский календарь (высокомерно названный «так называемая реформа») «поразил христианский мир» и поругал канонические православные правила.

Выходя из зоны строго профессиональной оценки, я бы хотела выразить свою серьезную озабоченность откровенно перенапряженным пафосом, при помощи которого строго научные утверждения в диссертации оказываются превращенными в инструмент идеологических внушений, иногда спорных или безнадежно анахронических. Здесь речь идет об устойчивой тенденции в исследовательских идиосинкразиях доц. Нейчева, которая демонстрируется последовательно и с усиливающейся интенсивностью в его научных трудах. Несмотря на то, что такое авторское своеобразие является неоспоримым доказательством о смелости выдвигаемых гипотез, а в некотором смысле – и гарантом их эффективного пребывания в поле научного обмена, мне кажется, что есть смысл в будущем обратить на это внимание. По крайней мере потому, что любая – даже минимальная – проверка лежащей в их основе аксиологии пробудила бы чувствительность к ее моральной уязвимости, особенно в контексте ее нынешнего политического использования. А также по другой причине. Гуманитарное знание – это территория, которая предполагает режим последовательного и бесконечного постановления всего под сомнение.

Независимо от упомянутых частных несогласий, моя целостная оценка о диссертации Николая Нейчева более чем положительна. Этот труд несет большой вклад как в науку о Достоевском, так и в значительно более широкую гуманитарную проблематику, чем удостоверяется его большая научная значимость.

Дополнительное достоинство диссертационного труда – представляющие его публикации. Автор приложил к документации пять студий и десять статей, которые посвящены вопросам, затрагиваемым в диссертации. Все они напечатаны в авторитетных научных изданиях – академических журналах и сборниках, три из них

в иностранных изданиях. Как диссертация, так и связанные с ней публикации, являются полностью личными текстами Н. Нейчева.

Автореферат изготовлен при строгом соблюдении нормативных требований и полностью соответствует содержанию диссертации, отражая достоверно результаты исследования.

Мне выпала особая привилегия знать Николая Нейчева с самого начала его научной карьеры, поскольку я была его преподавателем, позже членом специализированного ученого совета при ГАК, перед которым он защитил докторскую диссертацию, я также участвовала в обсуждении его монографии при соискании звания доцента. У меня есть прямые впечатления о том интересе и уважении, которым пользуется его преподавательская деятельность. Возможность внимательно следить за его научным развитием систематически давала мне поводы для радости и гордости.

В заключение я могу обобщить, что диссертация доц. Николая Нейчева содержит научные результаты, которые являются оригинальным и значимым вкладом в науку, она соответствует всем требованиям Закона о развитии академического состава Республики Болгарии, Правилам его приложения и соответствующим Правилам ПУ им. Паисия Хилендарского. Представленные материалы и диссертационные результаты полностью соответствуют минимальным национальным требованиям, утвержденным в связи с Правилами ПУ о приложении ЗРАСРБ.

Диссертационный труд показал, что доц. Николай Нейчев обладает углубленными теоретическими знаниями и профессиональными умениями в научной специальности Русская литература (XIX век) и демонстрирует выдающиеся качества и умения осуществления исследований с получением оригинального и значимого научного вклада.

Внушительный охват изученного материала, значимость исследуемых проблем, оригинальность идей, аналитическая глубина и проницательность, а также концептуальная целостность (не упоминая притом о разительном объеме) –

представленный научный труд обладает всеми отличительными характеристиками фундаментального исследования, легитимирующего своего автора как соискателя ученой степени доктора наук. Все перечисленное дает мне полное основание, и даже более, с глубоким удовлетворением и искренней коллегиальной радостью, предложить уважаемому научному жюри присвоить доц. д-ру Николаю Нейчеву ученую степень «доктор наук» в области высшего образования: 2. Гуманитарные науки, профессиональное направление 2.1 Филология, научная специальность Русская литература.

18.02.2023 г.

Пловдив

Рецензент:

проф. д.ф.н. Клео Стефанова Протохристова